

2. Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс языка толерантности: автореф. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2008. – 159 с.

3. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета . – 2010. № 2 (83). – С. 13-21.

4. Наминова Г.А. Политический дискурс в современной России: проблемы достижения общественного согласия: автореф. на соиск. ученой степ.канд. полит. наук. 23.00.02. – М., 2010. – 23 с.

5. Сулина О.В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства// Вестник ВГУ . – 2014, №1. – С. 217-222.

6. Харьковская А.А., Дудникова М.С. Особенности современного англоязычного теледискурса на материале названий англоязычных развлекательных программ В сборнике: Феномен границы в языке и литературе. Международный сборник научных статей. Самара, 2009. – С. 177-185.

7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 431 с.

*А.А.Оленина (Россия, Самара)
Научный руководитель А.С. Гринштейн*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ГОТИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В НОВЕЛЛАХ Э.А. ПО И ИХ ПЕРЕВОДАХ XIX И XX ВЕКОВ

В статье анализируются лексико-семантические средства, которые встречаются при описании обстановки в новеллах Э.А. По и их переводах. Особое внимание уделено исследованию роли черного цвета в новеллах, в частности его использованию в качестве средства символизации и живописания.

***Ключевые слова:** Э.А. По, черный цвет, готический колорит.*

Новеллы Э.А. По относятся к готическому типу литературного произведения, для которого характерна, прежде всего, разработка мотивов и тем, связанных с потусторонними, мистическими явлениями, а также философское восприятие упадка, страха и смерти как возвышенных состояний.

Существование готической литературы как отдельного жанра, позволяет говорить о существовании определенного набора лексических средств, служащих для цветового оформления как оригинальных новелл, так и их переводов, и имеющих, как правило, в своем составе сему «черный».

Отметим, что цвет всегда имел первостепенную важность для культуры человека и применялся, в первую очередь, как средство символизации и живописания действительности.

В новеллах Э.А. По преобладает черный цвет, что способствует погружению читателя в пугающую атмосферу готического произведения.

Очевидно, что для создания мрачной палитры действительности новелл автор использует, прежде всего, нейтральную лексему *black* и ее производную *blackness*, передающие значение «the very darkest colour owing to the absence of or complete absorption of light; the opposite of white» [7]:

- «Upon the broad **black** marble flagstones at the entrance of the palace, and a few steps above the water, stood a figure...» [2, p.38]
- «Her small, bare, and silvery feet gleamed in the **black** mirror of marble beneath her». [2, p.38]

Примечательно, что автор употребляет именно лексему *black* для описания мраморной поверхности, так как согласно результатам исследования цветовой лексики, проведенного М. Пастуро [6, с.26], она некогда включала в себя сему «блестящий»: таким образом, Э.А. По подчеркивает сияние черного цвета, заставляя его выглядеть необычно и притягательно.

Переводчики обеих эпох одинаково передали анализируемую лексему в силу ее однозначности и наличия ее эквивалента в ПЯ:

- «На **черных** мраморных плитах у входа во дворец стояла фигура...» [4, с.35]
- «На широких, **черных** мраморных плитах у дворцового входа стояла фигура...» [5, с.256]

Другой, не менее важной единицей, участвующей в создании цветового оформления новелл в исходном тексте, является единица *sable*, которую можно считать полным синонимом лексемы *black*, но подразумевает наличие коннотаций красоты, так как ее происхождение связано с обозначением темного меха куницы, считавшегося атрибутом богатства; более того, она имеет отрицательную коннотацию, связанную с ее третьим значением, а именно «mourning garments» [7], так как «ткани, окрашенные в глубокий, насыщенный черный цвет, с начала XIII столетия будут называть *sobelins* или *sabelins*», то есть наличие ассоциативный перенос названия ткани на траурные одежды, изготавливаемые из нее. Э. По сохраняет некую традиционность использования этой лексемы для обозначения тканей и описывает с ее помощью занавеси, а также ковры:

- «Gently I uplifted the **sable** draperies of the curtains.» [1, p.18]
- «There was a sharp cry --and the dagger dropped gleaming upon the **sable** carpet, upon which... fell prostrate in death the Prince Prospero.» [2, p.197]

Наиболее очевидно коннотация траура и смерти прослеживается в использовании лексемы *sable* в первом примере, так как с ее помощью автор описывает полог над кроватью почившей героини новеллы *Berenice*. Другого рода случай использования той же лексемы встречается в новелле *The Masque of the Red Death*: автор настойчиво употребляет ее для описания одной из комнат в замке главного героя, в результате чего у читателя возникает недоброе предчувствие, которое затем оправдывается, так как именно в этой комнате происходит убийство.

В шести случаях из семи, включающих в себя переводы обеих эпох, в качестве аналога к лексеме *sable* была подобрана единица «траурный», что несомненно помогло сохранить мрачный колорит помещения и передать мрачные коннотации и ожидания, связанные с ним.

Последней по порядку, но не по значимости, лексемой, используемой для описания интерьеров в новеллах, является единица *ebony*:

- «*It was in this apartment, also, that there stood against the western wall, a gigantic clock of ebony.*» [2, p.195]

- «*On the table beside [the lamp] lay a little box of ebony.*» [1, p.19]

По своему значению лексема *ebony* синонимична лексеме *black*, так как означает «dark brown or black; ebony» [7], но обладает и другим значением «heavy blackish or very dark brown timber» [7], что помогает выстроить два зрительных образа в отношении одного и того же предмета, которые дополняют друг друга и даже сливаются в один. В одном из значений содержится сема «тяжелый», поэтому автору удастся создать ощущение массивности окружающей среды и одновременно малозначительности человека, что приводит к угнетению психического состояния как героя, так и читателя.

В русском языке прилагательное «эбеновый» обладает единственным значением «прил., по знач. связанное с древесиной некоторых дорогих и прочных сортов, преимущ. черного дерева» [8], то есть сема «черный цвет» присутствует в его структуре имплицитно, поэтому переводчики обеих эпох отдали предпочтение выражению «черное дерево», как наиболее полно передающему значение, выраженное исходной лексемой *ebony*:

- «*А еще в этой комнате, у западной ее стены, стояли гигантские часы черного дерева.*» [3, с.109]

- «*На столе подле меня горела лампа, а подле стоял ящичек из черного дерева.*» [8]

Преобладание черного цвета в новеллах связано с желанием автора затемнить окружающее пространство и вызвать ощущение страха, что осуществляется за счет использования лексем *black*, *sable* и *ebony*, имеющих в составе сему «черный» и приобретающих негативные коннотации, связанные с их этимологией или контекстом. Переводчикам XIX и XX веков удалось воссоздать мрачные картины, описанные в оригинальном тексте, в силу использования схожих методов и лексем «черный», «траурный» и «черное дерево», которые содержат в себе семы, входящие в состав исходных единиц ИЯ и обладают схожими с последними символическими смыслами и коннотационными значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Poe E.A. *Berenice*/ Poe E.A.// *Selected Tales*. – New York: Oxford University Press, 1998 – 13-20 p.
2. Poe E.A. *Selected Tales*. – London: Penguin, 1994 – 406 p.
3. По Э.А. Маска Красной смерти [пер .Р. Померанцевой] / По Э.А.// Собр. соч. в 2-х томах. Т.1. – Воронеж: Полиграф, 1995 – 107-113с.

4. По Э.А. Свидание [пер. М.Энгельгардта] / По Э.А.// Собр. соч. в 2-х томах. Т.1. – Воронеж: Полиграф, 1995 – 32-43с.
5. По Э.А. Свидание [пер. В. Рогов] / По Э.А.// Малое собр. соч. – СПб: Азбука, 2010 – 253 – 264с.
6. Пастуро. М. Черный. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2017 – 161с.
7. Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (Дата обращения 6.04.2017)
8. По Э.А. Берениса. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1835_berenice-shelgunov.shtml (Дата обращения 6.04.2017)
9. Толковый словарь Ожегова. <http://slovarozhegova.ru> (Дата обращения 6.04.2017)

*С.Е. Панкова (Россия, Самара)
Научный руководитель А.А.Харьковская*

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В БРИТАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Целью данного исследования послужило изучение негативных эмоций в британском кинодискурсе в аспекте их языковой репрезентации. В британской лингвокультуре отбираются специфические языковые средства для отображения отрицательных эмоциональных состояний персонажей кинофильмов.

***Ключевые слова:** кинодискурс, креолизованный текст, языковая репрезентация эмоций.*

Кинодискурс в настоящее время активно изучается представителями разных научных областей. Он представляет собой связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами [1, с. 8]. Лингвисты используют понятие креолизованного текста, поскольку в воспроизведении разговорной речи персонажей фильма определенно наблюдается стилизованность. В результате сравнения киносценария и собственно фильма можно сделать вывод о достаточно высокой степени аутентичности и достоверности изучаемого нами материала. Исполняя написанную сценаристом роль, актер настолько вживается в образ персонажа, что очень часто импровизирует. Такие моменты импровизации были отмечены именно в области вербализации эмоций персонажа, особенно негативных.

Если сравнить понятия «кинодискурс» и «кинотекст», можно обнаружить, что кинодискурс понимается более широко и включает в себя как кинотекст, так и кинофильм, интерпретацию фильма кинозрителем и тот смысл, что вложили создатели кинофильма. В структуру кинодискурса включаются и широкие экстралингвистические факторы, и он представляет собой «феноменологическое